

СТЕФАНИ
ЛОУРЕНС

Все о любви

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л81

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Stephanie Laurens
ALL ABOUT LOVE

Перевод с английского М.А. Александровой
Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатется с разрешения литературных агентств
Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Лоуренс, Стефани.

Л81 Все о любви : роман / Стефани Лоуренс ; [перевод с английского М. А. Александровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 384 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-146429-5

Аласдер Кинстер не зря носил прозвище «Люцифер» — хитроумие, с которым этот неисправимый повеса и холостяк умудрялся избегать уз Гименея, казалось поистине дьявольским.

Однако всему приходит конец, вот и Аласдер, устав от упорных попыток семьи его женить, решил сбежать в провинцию... где немедленно встретил прекраснейшую из девушек, какую когда-нибудь видел, — Филлиду Тэллент.

Но как соблазнить это живое чудо? Филлида умна и независима, прекрасно знает цену мужским сладким словам и совсем не собирается падать в объятия столичного «льва». И чем отчаяннее пытается Аласдер завлечь ее в сети, тем сильнее влюбляется сам...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Stephanie Laurens, 2001

© Перевод. М.А. Александрова, 2018

ISBN 978-5-17-146429-5

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Глава 1

Июнь 1820 года

Девоншир

Воздержание.

Это даже звучало неестественно.

Аласдер Реджинальд Кинстер, широко известный, и не без оснований, как Люцифер, недовольно фыркнув, постарался выбросить это слово из головы и сконцентрироваться на том, чтобы направлять пару своих породистых вороных по узкой проселочной дороге. Она тянулась на юг, к побережью, где и находился Колитон, конечная цель его пути.

А вокруг раннее лето уже заключило природу в свои щедрые объятия. Кукурузные поля от дуновения ветерка покрывались рябью; ласточки кружились в вышине — черные стрелки на голубом фоне неба. Живая изгородь из причудливых кустарников стеной возвышалась по обеим сторонам дороги. Люцифер с облучка едва мог заглянуть за нее. Впрочем, в этой тихой сельской заводи не на что было смотреть.

Это вынудило его вновь вернуться к своим мыслям. Удерживая медленно бредущих вороных, он оценивал неприятную перспективу выживания без того типа женского общества, к которому привык. Это, безусловно, было тягостно, но он все же предпочел бы подвергнуться такой попытке, чем риску испытать на себе проклятие Кинстеров.

От него, и это Люциферу было известно, уже пострадали пятеро его ближайших родственни-

ков мужского пола. Все они были членами того печально известного сообщества, которое верховодило в свете в течение многих лет. «Коллегия Кинстеров» царила в кругах лондонских дам, оставляя позади целый шлейф чахнувших, томящихся, изнывающих от тоски особ. Все эти красавцы были чертовски отважны, дерзки, непобедимы, но до тех пор, пока проклятие не коснулось их, одного за другим. И сейчас Люцифер был последним, оставшимся свободным — без оков, не женат, — и не раскаивался в этом. Он ничего не имел против женитьбы как таковой, но, к несчастью — в чем и состояла сущность проклятия, — Кинстеры не могли жениться просто так. Они заключали брак только по любви — на женщинах, которых полюбили *они*.

Сама мысль об этом заставила Люцифера вздрогнуть: он не мог смириться с тем, что мужчина может быть столь незащищен перед чувствами. Вчера его брат Габриэль пострадал именно от этого.

И это было одной из двух основных причин, по которым он отправился в глушь Девоншира.

Люцифер и Габриэль были близки всю жизнь. Разница в их возрасте составляла лишь одиннадцать месяцев. Был только один человек в мире, кроме Габриэля, которого Люцифер знал так же хорошо, — их подружка по детским играм Алатея Морвеллан. Ныне Алатея Кинстер. Габриэль женился на ней вчера. И этот брак открыл глаза Люциферу на то, что проклятие может быть очень сильным и он просто не сможет сопротивляться. В данном случае любовь зародилась там, где ей совершенно не было места. Проклятие настигло нагло, безжалостно, властно.

Люцифер искренне желал счастья Габриэлю и Алатее, но абсолютно не имел намерения следовать их примеру.

Во всяком случае, не сейчас. А возможно, и никогда.

Что ему нужно от женитьбы? Что такого он мог бы приобрести, чего не имел сейчас? Все женщины были хороши; ему нравилось флиртовать с ними,

он знал множество тонкостей, чтобы завоевать стойко сопротивляющихся, массу уловов, чтобы все-таки заманить их в постель. Ему нравилось учить их, получать и дарить наслаждение. Этим, однако, и ограничивались его интересы в отношениях с противоположным полом. У Люцифера были и другие дела, и он ценил свою свободу, возможность не отвечать за кого-то еще. Он предпочитал жить так, как он жил, и не собирался что-либо менять.

Он был полон решимости избежать родового проклятия и полагал, что вполне сумеет обойтись без любви.

Итак, Люциферу удалось ускользнуть со свадебного завтрака Габриэля и Алатеи. Он наконец покинул Лондон. После женитьбы брата Люцифер стал самой привлекательной целью для всех незамужних дам в свете. Поэтому он отверг все приглашения на загородные вечеринки и уехал в Киверстоун-Мэнор, поместье его родителей в Сомерсете. А сегодня рано утром покинул и это пристанище, направившись на юг через тихие поля.

Слева у пересечения с узкой дорогой, спускавшейся с холма, показались три коттеджа. Он медленно миновал развилку, и сразу за хребтом горы открылся вид на Колитон.

Окинув взглядом окрестности, Люцифер скорчил недовольную гримасу. Судя по всему, в этом захолустье шансы найти даму, с которой можно закрутить роман — замужнюю красотку, соответствующую его высоким требованиям и с которой он мог бы унять тот постоянный любовный зуд, жертвой которого были все Кинстеры, — равнялись нулю.

Воздержание, безусловное воздержание.

В ярких солнечных лучах чистенькая и аккуратная деревня выглядела воплощением истинной пасторали, как ее воображают себе художники, — воплощением мира и гармонии. Впереди справа по склону холма растянулись луга, а на вершине виднелась церковь, массивная древняя постройка, с примыкающим кладбищем.

Сразу за ним начиналась еще одна дорога вниз,

в отдалении сливающаяся с главной. Сама же главная дорога заворачивала левее, вдоль нее тянулся ряд коттеджей. Ближе к дороге, прямо на границе пастбища, находился пруд. Вороны немедленно замотали головами, заслышав кваканье.

Успокоив лошадей, Люцифер посмотрел налево, на первый же дом, спрятавшийся в зелени сада. Скользнул взглядом по надписи над воротами.

Колитон-Мэнор.

Конечная цель его путешествия.

Мэнор был симпатичным домом из светлого песчаника в два этажа, с мансардой и высокими окнами в стиле короля Георга. Дом был обращен фасадом к дороге, но словно бы прятался за невысокой стеной и густой растительностью сада, утопавшего в цветах. В центре сада, как раз на дорожке, ведущей от парадной двери к воротам, располагался фонтан. Линия высоких деревьев позади сада отделяла его от деревни.

С фасада гравийная дорожка огибала дом. От аллеи она была отделена просторным газоном, на котором тут и там росли вековые тенистые деревья. Сама же аллея тянулась почти до того места, где остановился экипаж. В отдалении поблескивала гладь искусственного озера.

Колитон-Мэнор выглядел так, как должно выглядеть жилище преуспевающего джентльмена. Это был дом Горация Уэлема, и именно поэтому Люцифер выбрал его в качестве своего временного убежища.

Три дня назад он получил письмо от Горация. Старый друг и учитель, которому Люцифер был обязан своими знаниями в области искусства и страстью к коллекционированию, приглашал его посетить Колитон при первой же удобной возможности. Случай не замедлил представиться, когда светские дамы обратили на Люцифера свои матримониальные взоры.

Одно время он был частым гостем Уэлема в Озерном крае. Но вот уже более трех лет, с тех пор как

6 Гораций переехал в Девоншир, они встречались

лишь на аукционах и собраниях коллекционеров, хотя и оставались столь же близкими друзьями, как и прежде. Это был первый визит Люцифера в Колитон.

Вороны затрясли гривами, их сбруя зазвенела. Натянув поводья, Люцифер едва сдерживал нетерпение — вновь увидеть Горация, пожать его руку, провести время в его обществе — обществе человека умного и образованного. Кроме того, он предвкушал и знакомство с той таинственной вещицей, о которой друг упомянул в письме: он желал знать мнение Люцифера по поводу находки, которая могла бы стать украшением его коллекции, хотя и не походила на обычные образчики ювелирного искусства. Всю дорогу от Сомерсета Люцифер размышлял о том, что бы это могло быть, но так и не пришел ни к какому заключению.

Ничего, скоро тайна откроется. Тронув поводья, он направил вороных вперед и, миновав ворота, подъехал к боковой стороне дома.

Никто не вышел навстречу.

Люцифер прислушался — и не услышал ничего, кроме пения птиц и жужжания насекомых.

Тогда он вспомнил, что сегодня воскресенье: Гораций и все домашние, должно быть, в церкви. Взглянув в сторону пастбища, он заметил, что дверь церкви открыта. Переведя взгляд на парадную дверь, увидел, что та также открыта. Кажется, кто-то все-таки был дома.

Он спрыгнул с повозки и направился прямо по дорожке к дому. Охваченный летним цветением сад, казалось, рассматривал гостя, и глубоко запрятанные воспоминания начали оживать в памяти Люцифера. Помедлив перед входом, он постарался справиться с ними.

Это сад Марты.

Марта была покойной женой Горация. Именно эта женщина была тем фундаментом, на котором держался весь старый дом в Озерном крае. Марта любила заниматься растениями, стараясь сделать окружающий ее мир прекрасным в любое время года.

Люцифер внимательно осмотрел клумбы. Планировка сада была такой же, как и в старом доме. Но ведь Марта умерла три года назад.

Она была для Люцифера самой близкой женщиной старшего возраста, не исключая даже мать и сестер. Жена друга занимала особое место в его жизни. Он часто прислушивался к ее советам и нравоучениям, оставаясь тем не менее глухим к материнским. Марта не была родственницей, может быть, поэтому выслушивать правду из ее уст всегда было легче. Именно смерть Марты мешала ему по-прежнему непринужденно бывать в доме Горация: слишком много воспоминаний, слишком остро чувство общей утраты.

И увидеть сад, посаженный и спланированный Мартой, было все равно что внезапно почувствовать ее руку на плече. Люцифер нахмурился: казалось, он почти услышал ее голос — этот мягкий шелестящий шепот.

Резко повернувшись, Люцифер вошел под арку. Входная дверь была полуоткрыта, он толкнул ее. Холл был пуст.

— Хелло! Есть тут кто-нибудь?

Тишина. Лишь звуки сада доносились снаружи. Он шагнул через порог и помедлил немного. В атмосфере дома царило необъяснимое напряжение. Люцифер осторожно двинулся вперед. Звук шагов разносился по всему холлу. Он подошел к распахнутой настежь двери первой комнаты и почувствовал запах крови. После Ватерлоо он уже никогда не спутает этот запах ни с чем. Волосы на затылке поднялись дыбом, шаги замедлились.

Позади него солнце все так же изливало на мир свет и тепло — и это лишь подчеркивало холод и тишину в доме. Люциферу захотелось бежать.

Застыв в дверях, он уставился на тело, распростертое на полу.

Ему стало не по себе. После минутного замешательства Люцифер заставил себя рассмотреть лежащего человека. Из-под фески выглядывали седые волосы, широкие плечи были укрыты шалью поверх длин-

ной белой ночной рубашки, из-под которой торчали босые ноги. Мертвый человек выглядел просто уснувшим здесь, в своей гостиной, окруженный старинными книгами.

Но он не был спящим, он даже не был в обмороке. Кровь все еще сочилась из раны на его груди.

Выдохнув: «Гораций!», Люцифер бросился на колени, пытаясь нащупать пульс на запястье или шее, но тщетно. Прикоснувшись к груди друга, он ощутил тепло тела. Лицо его все еще хранило цвет. Гораций был убит, притом всего несколько минут назад.

Единственный удар — смертельный — был нанесен прямо в сердце. Ранение напоминало штыковое. Крови было немного... на удивление мало. Нахмурившись, Люцифер склонился ниже и обнаружил, что гораздо больше крови было под телом на полу. Горация перевернули на спину позже. Сначала он, видимо, упал вниз лицом. Заметив странный золотистый блеск под шалью, прикрывавшей тело, Люцифер отбросил материю и вытащил длинный тонкий нож для разрезания бумаги.

Его пальцы сжали богато украшенную рукоять. Он внимательно осмотрел все вокруг, но не обнаружил ни малейших признаков борьбы. Ковер не был сдвинут, стол, похоже, находился на своем привычном месте.

Оцепенение Люцифера постепенно проходило. Чувства возвращались к нему и наконец обострились до предела.

Он выругался вполголоса; чувствовал он себя так, как будто получил удар в солнечное сплетение. После всей этой благодати за окном обнаружить Горация убитым казалось совершенно невероятным, диким. Это походило на кошмар, но почему-то никак не удавалось проснуться. Стиснув губы, Люцифер заставил себя глубоко вздохнуть...

Он был не один в комнате...

Внезапно сзади послышался какой-то шорох.

Люцифер вскочил на ноги, крепко сжимая нож...

Страшный удар обрушился на его голову.

Дьявольская боль!

Он рухнул на пол как подкошенный...

Придя в себя, Люцифер не мог вспомнить самого удара и совершенно не представлял, как долго был без сознания — миг или несколько часов. Чудовищным усилием воли он приподнял веки. Перед глазами все расплывалось, он не мог сфокусировать взгляд даже на лице Горация, лежавшего неподалеку. Закрыв глаза, он глухо застонал. К счастью, убийца решил, что он лишился чувств. Так оно и было...

Сознание то уплывало, то возвращалось. Черная пустота пыталась затянуть в себя — он отчаянно сопротивлялся.

Нож все еще был у него в руке, но она оказалась придавлена телом. Он не мог пошевелиться, словно был пойман в капкан.

...Проклятие!

Люцифер подождал, прислушиваясь, не вернется ли убийца, чтобы прикончить его. Вокруг царила абсолютная тишина, но теперь Люцифер уже не был так уверен в себе.

Сколько же времени он здесь лежит?..

Филлида Тэллент с широко раскрытыми глазами наблюдала из-за двери за человеком, безжизненно распростертым на полу рядом с телом Горация Уэлама. Приступ ужаса прошел, и звук, донесшийся из комнаты, заставил ее действовать. Сдерживая дыхание, она вошла в помещение, наклонилась и схватилась обеими руками за тяжелую алебарду, придавившую упавшего мужчину.

Взяв себя в руки, она сосчитала до трех и дернула — тяжеленная алебарда слегка приподнялась. Собрав все силы, она попыталась отодвинуть оружие в сторону.

Филлида вовсе не собиралась ронять эту штуку на незнакомца.

10 Просто когда она обнаружила тело Горация, то так испугалась и растерялась, что не могла ясно

соображать, заслышав чьи-то шаги в холле. Она запаниковала, решив, что вернулся убийца, чтобы убрать тело. Это мог быть только он, поскольку все местные жители были сейчас в церкви.

Филлида заметалась в поисках укрытия, но длинная гостиная была вся заставлена книжными шкафами. В отчаянии она решила спрятаться в единственно доступном месте — прямо за створкой открытой двери, между косяком и книжной полкой, где стояла длинная алебарда.

Место было достаточно укромным, но, наблюдая за действиями и реакциями незнакомца, она поняла, что он не убийца. Решившись все-таки обнаружить свое присутствие — дочь местного судьи, достаточно взрослая для того, чтобы знать, что пробираться в чужой дом с целью поиска того, что люди по ошибке считают своим, нехорошо, — она понимала двусмысленность своего положения, но поборола сомнения. Понимая, что произошло убийство и обстоятельства достаточно серьезны, она шагнула вперед и в этот момент задела плечом алебарду.

Падение тяжелой штуки невозможно было предотвратить.

Девушка ухватила за алебарду, чтобы удержать или хотя бы оттолкнуть... Но ее сил оказалось достаточно лишь для того, чтобы слегка развернуть оружие, так что удар острием не пришелся мужчине прямо по темени. В противном случае смерть его была бы неминуема. Однако незнакомцу хватило удара обухом.

Отодвинув алебарду, Филлида уложила ее на пол и только тогда сообразила, что все это время повторяла: «О боже! О боже! О боже!»

Вытерев руки о бриджи, она взглянула на свою невинную жертву. Звук падающей алебарды и глухого удара все еще эхом отдавался в ушах.

— Боже, сделай так, чтобы он был еще жив!

Гораций был убит, а теперь еще и она стала убийцей незнакомца. Что с ней будет?

Паника охватила девушку, и она рухнула на колени прямо перед лежащим на полу...

Люцифер почувствовал, что восприятие окружающего постепенно возвращается к нему. Он все еще не мог слышать, видеть, но уже знал, что кто-то стоит на колених позади него. Убийца! Это нужно было предвидеть... если бы хватило сил хотя бы приподнять веки. Он попытался, но безуспешно. В голове шумело. Даже сквозь этот гул он сумел понять, что убийца приближается...

Пальцы — маленькие тонкие пальцы — мягко коснулись его щеки.

Прикосновение отозвалось в голове огнем.

Это не убийца!

И Люцифер с облегчением снова провалился в темноту.

Филлида нежно касалась лица незнакомца, пораженная его красотой. Он выглядел как ангел, спустившийся с небес, — такая чистота линий и совершенство форм просто не могли принадлежать смертному. Широкие брови, патрицианский нос, густые черные волосы. Большие глаза под дугами бровей. Губы, тонкие и живые, мягкие и слегка приоткрытые, будто он пытался вздохнуть.

— Пожалуйста, пожалуйста, не умирай!

Она судорожно начала нащупывать у него на шее пульс и чуть не упала в обморок от радости, когда обнаружила сильное и уверенное биение его сердца.

— Слава богу!

Не раздумывая, она аккуратно развязала галстук, бережно распутывая все узлы. Он был так красив, и она не убила его!

Снаружи послышался скрип колес.

Филлида вскочила. Ее глаза широко распахнулись. Убийца?!

Но паника улеглась сразу же, как только она узнала голоса, звучавшие на улице. Это была прислуга поместья. Девушка взглянула на незнакомца.

Впервые в жизни ей было трудно сосредоточиться.

Сердце все еще судорожно билось, голова слегка кружилась. Глубоко вздохнув, она попыталась

сконцентрироваться. Гораций был мертв, и этого она не могла изменить. Разумеется, она не знала ничего, что могло бы иметь отношение к этому делу. Друг Горация был без сознания и, похоже, будет пребывать в этом состоянии еще какое-то время. Ей следовало побеспокоиться лишь о том, чтобы он не остался без необходимой помощи.

Но она все еще находилась здесь, в гостиной, вместо того чтобы спокойно лежать в своей кровати в Грейндже, жалуясь на невыносимую головную боль. Пожалуй, она никак не смогла бы объяснить свое появление здесь. Хуже всего было то, что предмет ее поисков ей не принадлежал. Она и в самом деле не знала, почему эти вещи были так важны, почему их существование нужно было скрывать любой ценой. Кроме всего прочего, она поклялась хранить тайну.

Проклятие!

Ее могли обнаружить в любую минуту. Миссис Хеммингс, экономка, уже, наверное, входила в кухню.

Думай же!

А что, если вместо того, чтобы торчать здесь и судорожно искать неправдоподобные объяснения своего присутствия, сбежать, быстро пробраться домой, переодеться и вернуться? Она могла бы быть здесь уже через десять минут и убедиться в том, что тело Горация обнаружено, а незнакомцу оказана помощь.

Это был вполне подходящий план.

Филлида вскочила на ноги. Она все еще дрожала и никак не могла успокоиться. Уже убегая, она вдруг задела шляпу на столе, прямо за телом Горация.

Была ли эта шляпа на незнакомце, когда тот вошел в дом? К сожалению, она не помнила этого.

На мужских шляпах с внутренней стороны часто бывает вышито имя владельца. Осторожно обогнув тело Горация, Филлида потянулась за головным убором.

— Я только поднимусь вверх и посмотрю, как там хозяин. Приглядишь за этой кастрюлей, хорошо?

Девушка мгновенно забыла о шляпе. Она стрелой промчалась через холл, выскочила в парадную дверь, перебежала газон и нырнула в густой кустарник...

— Джаггс, отоприте эту дверь.

Слова, произнесенные тоном, живо напомнившим Люциферу его матушку, мгновенно привели его в сознание.

— Э-э... я не могу этого сделать, — послышался в ответ грубый голос. — Это было бы неразумно.

— Неразумно?! — Женщина повысила голос.

После паузы, в течение которой Люцифер понял, что дама едва сдерживается, она спросила:

— Он приходил в сознание с тех пор, как ты вытащил его из усадьбы?

— Не-е! Вырубился полностью.

Это было не так, но вполне могло бы оказаться правдой.

Кроме слуха, никакие другие чувства к Люциферу не вернулись. По правде говоря, он не чувствовал вообще ничего, кроме дикой боли в голове. Он лежал на боку на какой-то очень твердой поверхности. Воздух был довольно прохладным. Отвратительно пахло пылью. Он не мог приподнять веки — даже это движение было пока не по силам.

Люцифер был абсолютно беспомощен.

— ...Откуда ты знаешь, что он все еще жив?

Властный голос женщины не оставлял сомнений в том, что это была леди.

— Жив? Конечно, жив — с чего бы ему не быть живым? Упал в обморок — только и всего.

— Обморок? Джаггс, ты простой трактирщик.

14 Сколько, по-твоему, человек может быть в обмо-

роке, особенно если его столько времени трясли в телеге, перевоза по свежему воздуху.

Джаггс фыркнул:

— Он из благородных — кто их знает, сколько они в обмороке валяются. У них организмы больно слабые.

— Его обнаружили лежащим рядом с телом мистера Уэлема. Что, если он не сам упал в обморок, а кто-то коварно нанес ему удар сзади?

— Кто это мог нанес... стукнуть его сзади?

— Может быть, он сражался с убийцей, пытаясь спасти мистера Уэлема?

— Ага! Тогда б у нас тут был и его милость, и еще какой-то убийца. Значит, два чужих человека по отдельности прибыли к нам в один и тот же день, и никто не видел, как они приехали.

Леди окончательно потеряла терпение:

— Джаггс, отопри эту дверь! Что, если джентльмен умирает только потому, что ты, видишь ли, решил, будто он упал в обморок! Мы должны проверить!

— Да говорю вам, он упал в обморок. На нем нет ни царапины, мы с Томпсоном смотрели.

Люцифер собрал все силы, что у него еще оставались. Если он рассчитывает на помощь, ему следовало поддержать леди. Он приподнял руку и попытался поднести ее к голове. Услышав стон, понял, что этот звук издает он сам.

— Вот! Видишь? — Голос леди звучал торжествующе. — У него болит голова — вон там, сзади. С чего бы это, если он просто упал в обморок? Быстро, Джаггс, отопри дверь! С ним что-то не в порядке!

Люцифер позволил руке безжизненно упасть. Если бы он был в состоянии рычать, он бы рывкнул на Джаггса, чтобы тот поторопился. Конечно, с ним что-то не в порядке — убийца здорово приложил его. Что еще, черт возьми, здесь могло случиться?

— Может, он ударился головой, когда падал, — проворчал Джаггс.